

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «FAIRY» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

О.А. Плахова, Т.Н. Астафурова

Концепт «fairy» представлен как полевая структура, объединяющая мифологические и немифологические компоненты содержания. Показан механизм демифологизации анализируемого концепта, проявляющийся в постепенном преобладании социально значимых признаков у референтов, относящихся к периферии мифоконцепта. Рассмотрена языковая экспликация мифологизации исследуемого концепта в англоязычном сказочном дискурсе.

Ключевые слова: демифологизация, мифологический концепт, когнитивный признак, сказочный дискурс, мифологическое сознание.

В основе развития концептов мифологического мышления лежит процесс демифологизации с сопутствующими ему социализацией и идеологизацией [1, с. 6], определяемый законами развития человеческого мышления (постепенное замещение мифологического мышления логическим) и особенностями общественного сознания. По мнению С.А. Питиной, демифологизация превращает мифологемы «в обычные, соответствующие действительности концепты, либо выводит их на уровень социальной мифологии, на котором мифологема приобретает статус идеологемы» [там же, с. 14]. Идеологизацию, таким образом, можно рассматривать как финальную стадию в развитии мифологических концептов, обусловленную потребностями конкретного исторического периода и состоянием массового сознания. В результате идеологизации «мифологемы переходят в сферу идеологии и отражают как глобальные, так и национально-специфические особенности массового сознания», сохраняя при этом признаки мифологичности, которая свойственна и мировосприятию современного человека вследствие автономности, простоты и прозрачности данных информационных структур [там же, с. 34].

Процессы демифологизации и идеологизации мифологических концептов исследовались на материале разных дискурсов (религиозного, художественного, рекламного, политического и т. д.). Сказочный дискурс располагает разнообразными языковыми ресурсами для актуализации архаической системы представлений о несуществующих мирах и их обитателях, что делает возможным достаточно полное описание структурно-содержательных характеристик мифологических концептов. Вместе с тем наблюдение за периферийными областями мифоконцептов позволяет выявить тенденцию к утрате последними отдельных мифологических признаков, что свидетельствует о подверженности мифологической концептосферы воздействию социокультурных факторов. Речь в данном случае идет о демифологизации мифоконцептов в сказочном дискурсе, поскольку идеологизация предполагает вовлеченность средств массовой информации в процесс формирования идеальных образов общественного сознания в соответствии с потребностями социума в определенных исторических условиях (следовательно, процесс идеологизации наблюдается прежде всего в разных видах институционального и художественного дискурсов). Сказочный же дискурс представляет собой разновидность бытийного дискурса, в котором находит отражение фольклорное сознание. Процесс демифоло-

гизации отдельных мифоконцептов в англоязычном сказочном дискурсе во многом объясняется 1) историческим развитием народной сказки как жанра, появлением жанровых разновидностей сказок в определенной хронологической последовательности и усилением влияния на них социальных факторов; 2) влиянием на развитие английской народной сказки особых социокультурных условий ее бытования.

Демифологизация проявляется в сосуществовании в мифологических концептах противоречивых, а порой и взаимоисключающих с позиции мифологического мышления когнитивных признаков. Их присутствие в мифоконцептах является следствием развития рационального мышления, производящего частичную переоценку и реструктуризацию имеющегося знания о мифологическом мироустройстве в соответствии с известными законами развития природы и общества и законами логики. Представляется целесообразным проследить появление новых периферийных концептуальных признаков в содержании мифоконцепта «faïgu», который занимает одно из центральных мест в английской национальной мифологической концептосфере. В качестве источников фактического материала были использованы 36 сборников фольклорных текстов (сказочных и несказочных – легенд, быличек, преданий), изданных в XIX–XX веках.

Значимость данного мифоконцепта отражается прежде всего в его номинативной плотности. Из общего количества словоупотреблений лексем (4 508), называющих 18 основных концептов английской мифологической концептосферы, номинации «faïgu» составляют 23,3 % – 1 050 словоупотреблений имен собственных и нарицательных. К наиболее актуальным когнитивным признакам концепта «faïgu», получившим подробную языковую манифестацию в англоязычном сказочном дискурсе, относятся «маленький рост», «обитание в Волшебной стране», «музыкальные инструменты как волшебная атрибутика», «проказливый характер», «способность гипнотического воздействия на людей и животных». Динамика представлений о фейри¹ наблюдается в направлении от собственно мифологических персонажей с полным спектром чудесных способностей к сказочным персонажам

маленького роста, подобными способностями практически не обладающим. Другими словами, в зависимости от количества вербализуемых при создании языкового образа сказочных персонажей указанных когнитивных признаков их референты могут быть отнесены к центральным или периферийным областям исследуемого концепта. В частности, к центральным образам, реализующим прототипическую семантику исследуемого концепта, относятся фейри; область ближней периферии занимает Мальчик с пальчик (*Tom Thumb, Sir Thomas Thumb, Hop-o'-my-Thumb, Thumbling*); области дальней и крайней периферии – пастухи, странствующие музыканты (*the Pied Piper, gooseherd, herdboy, minstrel, ballad-monger*) и герои маленького роста, не обладающие магическими способностями (*Mr. and Mrs. Vinegar, a queer little mite of an old lady, no bigger than a finger*). Периферийные персонажи прочно связаны с содержанием мифоконцепта «faïgu» в силу наличия у них прототипических признаков исследуемого концепта (их количество варьируется в зависимости от сказочного персонажа), вербализуемых в сказочном дискурсе с различной степенью детализации.

Наибольшую общность с прототипическим образом фейри имеет Мальчик с пальчик. Представления о нем как о существе, способном передвигаться по воздуху, хотя и утратившем умение управлять погодными условиями (*who floated upon it like a cork in the water; blew him straight back to the court of King Arthur; she sent him flying once more through the air to the earth*), облаченном в зеленый наряд (*dressing him in bright green*), пребывающем достаточно длительное время в стране фейри и выполняющем определенные социальные функции в обществе фейри (*little Tom Thumb, the Fairy piper; He is the porter to our gate*), актуализируют соответствующие признаки в мифоконцепте «faïgu», относящиеся к когнитивным классификаторам «место обитания», «магические свойства» и «структура общества». Мифологический статус рассматриваемого персонажа детерминирован также профессиональными обязанностями (*he doth let all in thereat / And makes us merry with his play*), атрибутикой (*an excellent bagpipe*), но в гораздо большей степени про-

является в семантике первого элемента сложной профессиональной номинации *the Fairy piper*, реализующего семантический признак «принадлежащий к расе фейри» и выполняющего, таким образом, не характеризующую, как можно было бы первоначально предположить [ср. *fairy* – 1. волшебный, сказочный; 2. воображаемый, иллюзорный (НБАРС. С. 731)], а релятивную функцию.

У персонажей, относящихся к дальней периферии концепта, сохраняется только признак, связанный с музыкальными способностями фейри, по-разному манифестируемый в сказочном дискурсе. Пастухов и странствующих музыкантов (*the Pied Piper, gooseherd, herdboys, minstrel, ballad-monger*) отличает магическая атрибутика и способность гипнотического воздействия при помощи музыки на животных и людей. Средствами дискурсивной репрезентации магического воздействия музыки являются эпитеты-характеристики мелодии (*a shrill keen tune; piping shrilly all the while; the tune was joyous and resonant; full of happy laughter and merry play; who would play to her so merrily on his little pipe*); лексемы, относящиеся к ЛСГ «Музыка» (*an extra flourish on his pipe; pipe many kinds of tunes; who would play to her so merrily on his little pipe; the herdboys put their pipes to their lips and played a few low notes*); глаголы движения, используемые параллельно с глаголами осуществления музыкальной деятельности: *as each note pierced the air you might have seen a strange sight; out of every hole the rats came tumbling; to crowd at the Piper's heels and with eager feet and upturned noses to patter after him as he paced the streets; but followed him, plashing, paddling, and wagging their tails with delight; On and on he played and played until the tide went down, and each master rat sank deeper and deeper in the slimy ooze of the harbour, until every mother's son of them was dead and smothered. <...> ...But from school-room and playroom, from nursery and workshop, not a child but ran out with eager glee and shout, following gaily at the Piper's call. Dancing, laughing, joining hands and tripping feet, the bright throng moved along up Gold Street and down Silver Street, and beyond Silver Street lay the cool green forest full of oaks and wide-spreading beeches. <...>*

You might hear the laughter of the children break and fade and die away as deeper and deeper into the lone green wood the stranger went and the children followed (Jacobs). Распространенные предложения, многосоюзие, а также присутствие звукоподражаний (*plashing, paddling; and squeaking and scurrying*), лексических повторов, идеографических синонимов (*dead and smothered*), однородных членов, эпитетов (*eager feet, eager glee and shout*), антитезы и сравнения (*there came forth no shrill notes, as it were, of scraping and gnawing, and squeaking and scurrying, but the tune was joyous and resonant, full of happy laughter and merry play; the herdboys put their pipes to their lips and played a few low notes that sounded like a bird singing far off in the woods*) усиливают экспрессивность воздействия мелодии на слушателей.

Волшебный характер музыки пастухов и музыкантов проявляется в ее преобразующих свойствах; при этом преобразованию подвергается как внутренний мир и физическое состояние человека (*with only the gooseherd for a companion, who would play to her so merrily on his little pipe, when she was hungry, or cold, or tired, that she forgot all her troubles, and fell to dancing, with his flock of noisy geese for partners; and when she looked sorrowfully down at her rags and bare feet, he played a note or two upon his pipe, so gay and merry that she forgot all about her tears and her troubles*), так и его внешность (*and as he played, Tattercoats's rags were changed to shining robes sewn with glittering jewels, a golden crown lay upon her golden hair, and the flock of geese behind her became a crowd of dainty pages, bearing her long train*). Сходство менестрелей с фейри обнаруживается также в способности предвидения, неразрывно связанной с вдохновением, а знание будущего заложено в самой природе фейри, неотъемлемо от нее (ср.: этимология существительного *fairy* восходит к лат. *fatum* «рок», «предопределение», «судьба» [ср. It. *fatara*, to charm as witches do, to bewitch; *fata*, a fairy, witch. – Fl. Sp. *hado*, fate, destiny; *hada*, one of the fates, witch, fortune-teller; *hadar*, to divine. Fr. *fée*, fatal, appointed, destined, enchanted; *fée*, a fairy (*féerie*, witchery); *par féerie*, fatally, by destiny (Wedgwood. P. 247)], которое во мн. ч. *fāta*

использовалось для обозначения персонифицированных божеств, управляющих судьбой человека (Ayto. P. 217; Lurker. P. 61): *These wandering minstrels had, from remote ages, been held as seers, and a peep into futurity was often supposed to accompany their poetical inspirations a superstition not confined to any particular locality, but obtaining a widely-disseminated belief in all climes and nations where imagination assumes her sway, and dares to assert her power* (Roby. P. 140).

У персонажей, относящихся к крайней периферии мифоконцепта «fairy» (*Mr. and Mrs. Vinegar – мистер и миссис Уксус*), сохраняется лишь музыкальный инструмент как мифологический атрибут, который, однако, попадает к ним случайно (покупается на рынке), никакими волшебными свойствами не обладает и от которого персонажи вследствие его бесполезности быстро избавляются: *By-and-by he saw a man playing the bagpipes – Tweedle-dum, tweedle-dee. The children followed him about, and he appeared to be pocketing money on all sides. 'Well,' thought Mr. Vinegar, 'if I had but that beautiful instrument, I should be the happiest man alive – my fortune would be made.'* <...> *So the beautiful red cow was given for the bagpipes. He walked up and down with his purchase; but in vain he attempted to play a tune, and instead of pocketing pence, the boys followed him hooting, laughing, and pelting* (Hartland).

Проказливость фейри, их любовь к розыгрышам и подшучиванию над людьми наблюдается в качестве черты характера у Мальчика с пальчик. Активность сказочного персонажа по ходу повествования направляется в новое русло, и все его последующие действия при дворе продиктованы желанием развлечь особ королевской крови: *as he got older he became very cunning and full of tricks; your thievish tricks; to the king, who made Tom his dwarf, and he soon grew a great favourite at court; for by his tricks and gambols he not only amused the king and queen, but also all the knights of the Round Table* (Hartland). Проказливость, переосмысленная как храбрость (*he delighted them by his dexterity at tilts and tournaments; his wonderful feats of activity*), награждается включением Мальчика с пальчик в рыцарский

орден и именованим его *Sir Thomas Thumb: On account of his wonderful feats of activity, Tom was knighted by the king* (Hartland). У периферийных персонажей исчезновение проказливости компенсируется акцентуацией других, более человеческих качеств (опрятности, трудолюбия, жизнерадостности, трусливости) посредством номинаций соответствующих черт характера, сравнения, антитезы, контекстуальных и стилистических синонимов, лексических повторов: *Mrs. Vinegar, who was a sharp, bustling, tidy woman. But Mr. Vinegar was of different mettle; though a small man, he was a cheerful one, always looking at the best side of things.* <...> *Now Mrs. Vinegar, for all she was a smart strong woman, was tired to death, and filled with fear of wild beasts, so she began once more to cry bitterly; but Mr. Vinegar was cheerful as ever.* <...> *But for all his cheerfulness he was not really very brave inside, so he went on trembling and shaking and shaking and trembling* (Steel).

Важнейший для концепта «fairy» когнитивный признак «маленький рост» получает детальную экспликацию в образе Мальчика с пальчик в процессе прямой и косвенной характеристик персонажа. К прямым средствам вербализации признака относятся система средств номинации волшебного персонажа (*Tom Thumb, Sir Thomas Thumb, Hop-o'-my-Thumb, dwarf*), устойчивые эпитеты и сравнительные конструкции, указывающие на его размер: *he was no bigger than her husband's thumb; the idea of a boy no bigger than a man's thumb; such a little personage among the human race; a son, who, wonderful to relate! was not a bit bigger than his father's thumb; the little fellow; Tom never grew any larger than his father's thumb, which was only of an ordinary size; such a little boy; our little hero; little pigmy creature* (Hartland); *little Tom Thumb, the Fairy piper; no bigger than a plum* (Olcott. P. 13). Представления о миниатюрном росте конкретизируются также через окружающие предметы и атрибутику героя посредством глаголов, обозначающих взаимодействие с этими предметами: *His mother, who was very sorry to see her darling in such a woeful state, put him into a tea-cup, and soon washed off the batter; for fear of being blown away, she tied him to a thistle with a piece of*

fine thread; and if a shower came on, he used to creep into his majesty's waistcoat pocket, where he slept till the rain was over; эпитетов, актуализирующих у ядерных существительных контекстуально обусловленную сему «большой»: *Tom had travelled forty-eight hours with a huge silver-piece on his back, and was almost tired to death; with a huge silver three penny-piece on his back; a fine large butterfly on the ground*; обозначений несвойственной для данных предметов области применения: *put him into a tea-cup, and soon washed off the batter → his bath-tub* (имплицировано); *placed him in a walnut shell by the fireside → his bed* (имплицировано); *Tom in this dress, and mounted on the mouse → Tom and his fine prancing charger* (эксплицировано).

Маленький рост периферийных персонажей также обозначается либо прямо – посредством прямых указаний на размеры (*a queer little mite of an old lady, no bigger than a finger*), либо косвенно – посредством характеристики дома, в котором они живут: *Mr. and Mrs. Vinegar lived in a vinegar bottle* (Hartland); *Mr. and Mrs. Vinegar, a worthy couple, lived in a glass pickle-jar. The house, though small, was snug, and so light that each speck of dust on the furniture showed like a mole-hill* (Steel); *She made her home in a syrup pitcher which had a broken lid, and had, therefore, been tossed outdoors, nearby the root of a big tree* (Higgins. P. 53); *Once upon a time there lived an old woman who lived in a vinegar bottle* (Keding, Douglas. P. 37). Однако данная характеристика неустойчива в сказочном дискурсе; наблюдается усилива-

ющаяся тенденция к увеличению роста персонажей, их «очеловечиванию», что проявляется в регулярном опущении устойчивого для мифоконцепта «fairy» эпитета *little (small)* при характеристике данных героев и изображению не сказочно маленького домика, а дома, хотя и в очень плохом состоянии, подходящего по своим параметрам человеку: *They lived in a shabby little cottage that was always falling down around their heads. Whenever they fixed it, they used old boards and old pieces of twine and old bent rusty nails, and soon the house was falling down around their heads again. Eventually they had nothing left of their cottage but the rubbish that used to hold it together. One day while Mr. Vinegar was out, Mrs. Vinegar sneezed, and the whole house came down around her head* (Keding, Douglas. P. 35).

В общем виде концептуализация анализируемых когнитивных признаков при создании образов центральных и периферийных персонажей мифоконцепта «fairy» представлена в таблице.

Таким образом, в англоязычном сказочном дискурсе процесс замены признаков фидеистичности признаками реалистичности получает достаточно яркую экспликацию при создании языковых образов сказочных персонажей, восходящих к прототипическому образу феири. На вербальном уровне демифологизация концепта «fairy» реализуется посредством широкой номенклатуры лингвостилистических средств (эпитетов, лексического повтора, идеографических и контекстуальных синонимов, антитезы, сравнения, звукоподражания и т. д.). На когнитив-

Распределение когнитивных признаков в центральных и периферийных областях мифоконцепта «fairy»

Когнитивный признак	Элементы полевой структуры			
	Центр (феи)	Ближняя периферия (Мальчик с пальчик)	Дальняя периферия (пастухи и музыканты)	Крайняя периферия (мистер и миссис Уксус)
Способность передвигаться по воздуху	+	+	–	–
Одежда зеленого цвета	+	+	–	–
Обитают в Волшебной стране	+	+	–	–
Гипнотическое воздействие на людей и животных	+	+ / –	+	–
Музыкальный инструмент как атрибутика	+	+	+	+ / –
Проказливый характер	+	+	–	–
Маленький рост	+	+	–	+ / –

ном уровне демифологизация исследуемого мифоконцепта проявляется в угасании его наиболее актуальных когнитивных признаков «маленький рост», «проказливый характер», «магическое воздействие при помощи музыки на людей и животных», «музыкальные инструменты как магическая атрибутика», которое компенсируется появлением признаков, отражающих человеческую природу сказочных персонажей и социальное устройство общества. Сочетание мифологических и немифологических признаков в мифоконцепте позволяет распределить референты вымышленной действительности по областям ближней, дальней и крайней периферии в соответствии с постепенным уменьшением признаков фидеистичности, а именно (движение от центра к периферии): феири → Мальчик с пальчик → пастухи и странствующие музыканты → герои маленького роста, не обладающие магическими способностями. Тенденция к «очеловечиванию» вымышленных референтов, наделению их человеческими качествами, человеческими желаниями и страхами, способностью к социализации – следствие действия историко-культурных факторов и законов развития человеческого мышления, подчиняющего древнейшие мифологические представления новой, разделяемой социумом системе ценностей и запретов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае был использован один из переводческих эквивалентов существительного *fairy*. Перевод с помощью слова *фея* не совсем точен, поскольку феи, как правило, ассоциируются с персонажами сказок Шарля Перро и в соответствии с европейской сказочной традицией представляются красивыми женщинами-волшебницами. В английской мифологической традиции их образы значительно отличаются от стереотипных и характеризуются вариативностью. В этой связи мы предпочли термин *фейри*, который используется в некоторых мифологических словарях и энциклопедиях (см., например: Мифология Британских островов / сост. К. Королев. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Питина Светлана Анатольевна. – Челябинск, 2002. – 40 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

НБАРС – Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.] ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1. – 832 с.

Ayto – Ayto, J. Dictionary of Word Origin / J. Ayto. – L. : Bloomsbury Publ. Plc., 2001. – 583 p.

Hartland – Hartland, E. S. English Fairy and Other Folk Tales / E. S. Hartland. – L. : Walter Scott, 24 Warwick Lane, Paternoster Row, 1890. – Electronic text data. – Mode of access: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (date of access: 16.03.2004). – Title from screen.

Higgins – Higgins, V. M. The Woodcutter's Son and Other English Tales Retold / V. M. Higgins. – Chicago : Whitman Publ. Co, 1917. – 68 p.

Jacobs – Jacobs, J. More English Fairy Tales / J. Jacobs. – L. : David Nutt, 1894. – Electronic text data. – Mode of access: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (date of access: 16.03.2004). – Title from screen.

Keding, Douglas – Keding, D. English Folktales / D. Keding, A. Douglas. – Westport ; L. : Greenwood Publ. Inc., 2005. – 231 p.

Lurker – Lurker, M. The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons / M. Lurker. – L. ; N. Y. : Routledge Taylor & Francis Group, 2004. – 263 p.

Olcott – Olcott, F. J. The Book of Elves and Fairies / F. J. Olcott. – Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin Co., 1918. – 430 p.

Roby – Roby, J. Popular Traditions of Lancashire. Vol. I–III / J. Roby. – L. : Henry G. Bohn, 1843. – Vol. 2. – 348 p.

Steel – Steel, F. A. English Fairy Tales / F. A. Steel. – L. : Macmillan and Co. Ltd, 1918. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents (date of access: 14.03.2004). – Title from screen.

Wedgwood – Wedgwood, H. A Dictionary of English Etymology / H. Wedgwood. – L. : Trübner & Co., 1872. – 744 p.

**DEMYTHOLOGIZATION OF THE CONCEPT “FAIRY”
IN ENGLISH FOLK TALE DISCOURSE**

O.A. Plakhova, T.N. Astafurova

The article describes demythologization of the mythological concept “fairy” as a process of co-existence of mythological and non-mythological attributes in the concept. The referents belonging to the peripheral areas of the mythological concept are characterized by predominance of socially significant attributes. The process of demythologization has a vivid verbal explication within English folk tale discourse.

Key words: *demythologization, mythological concept, cognitive attribute, folk tale discourse, mythological consciousness.*